

Глава 12. Отношения на грани

«Цяньхэ, не забудь: послезавтра — „Голос Университета А“. Спокойной ночи».

Сегодня Чжоу Тинъюнь вел себя почти как человек, но Вэнь Цяньхэ это не трогало. Раз решил вычеркнуть его из жизни — значит, надо доводить дело до конца.

Отвечать в вичате Цяньхэ не стал — просто удалил диалог. Уже после спохватился, что забыл отправить наглеца в черный список. Чтобы впредь избежать домогательств, он заблокировал все способы добавления в друзья, а заодно внес номер Чжоу в бан-лист на телефоне.

Закончив с этим, он связался с организаторами конкурса «Голос Университета А» и сообщил, что снимается с участия. Пусть вычитают баллы за активность — в конце концов, их можно добрать где-нибудь в другом месте.

Организаторы ответили только на следующий день. После долгих уговоров и препирательств они нашли компромисс: Вэнь Цяньхэ пригласили занять кресло судьи в отборочном туре.

Изначально судейскую коллегию должны были составить четыре главы отделов Студенческого союза, но одного из них внезапно вызвали в деревню на полевые исследования. Замену требовалось найти немедленно, а Вэнь Цяньхэ в университете был личностью заметной: и внешностью природа не обделила, и в учебе первый.

Цяньхэ поначалу отнекивался, твердил, что у него ни слуха, ни голоса, и в музыке он ничего не смыслит. Но организаторы стояли на своем: мол, ничего страшного, двое других судей тоже не профессионалы. Главное — слушать сердцем: если песня нравится, значит, хорошо. Это ведь только первый тур, а на финал и полуфинал позовут преподавателей из Академии искусств.

Вдобавок пообещали две печати от Студенческого союза и двойные баллы за участие. Когда же к нему в общежитие делегация пришла с подарками и личными просьбами, Вэнь Цяньхэ пришлось сдаться.

Это был его первый опыт в качестве судьи.

Сидя за судейским столом перед сценой, Цяньхэ чувствовал гремучую смесь восторга, неловкости и мандража. Перед началом он несколько раз перечитал правила: если из четырех судей трое поднимают карточку «Прошел», участник переходит в следующий тур.

Сцена для отборочных выглядела скромно: большой зал в центре студенческой активности на третьем этаже, наспех натянутый баннер «12-й конкурс „Голос Университета А“. Отборочный тур», красная ковровая дорожка на полу. Огромный экран на заднем плане даже не включили, зато звуковое оборудование привезли качественное.

Зал вмещал до двух тысяч человек, но, когда разнесся слух, что судить будет новый «прекрасный принц» университета, началось столпотребление. К вечеру яблоку было негде упасть: зрители стояли в три ряда вдоль стен, а участникам порой приходилось буквально продираться к сцене. В этом и заключался расчет Студенческого союза: красавчик-судья — лучшая реклама.

Вэнь Цяньхэ слушал каждого исполнителя предельно внимательно, выставляя оценки по совести. Музыка действительно доставляла удовольствие. Несмотря на разный уровень подготовки, искренность выступающих подкупала и создавала особую атмосферу. Почти каждому Цяньхэ давал «зеленый свет», считая про себя: «Если поет лучше меня — значит, достоин».

Когда тридцать первый участник покинул сцену и ведущий объявил следующего, за кулисами поднялся невообразимый шум. Раздались крики и визг, заставив персонал недоуменно оглядываться.

Один лишь Вэнь Цяньхэ не обернулся. Едва услышав имя «Чжоу Тинъюнь», он ощутил почти физическое отвращение. Смотреть на это лицо не хотелось. Удаляя контакты, он твердо решил больше никогда с ним не встречаться.

Становиться судьей он не планировал, но раз уж пришлось, он мог хотя бы не смотреть. В конце концов, музыку нужно слушать, а не разглядывать.

Ликование в зале не утихало — зрители узнали в вышедшем того самого Лян Шаньбо с недавнего вечера приветствия первокурсников. Зал превратился в фанатскую зону: сотни студентов включили фонарики на телефонах, скандируя имя своего кумира.

Чжоу Тинъюнь вышел с гитарой в руках под охраной персонала. Скучное освещение сопровождало каждый его шаг, и, несмотря на простоту декораций, стоило ему встать в центр, как по залу разлилась аура настоящей звезды.

Внезапно он остановился и, повернувшись к восторженным поклонницам, приложил палец к губам. На его лице играла легкая, едва заметная улыбка.

Этот жест вызвал новую волну экстаза. Крики поутихли, сменившись восторженным шепотом: «Боже, какой красавец! Как он может быть настолько статным и благородным?»

Чжоу Тинъюнь отвесил вежливый глубокий поклон, прошел к центру сцены и сел на стул.

Выбор пал на старый хит — песню «Какая удача».

Поправив микрофон, он вперил взгляд в Вэнь Цяньхэ, который так и сидел за столом, не поднимая головы. Чжоу усмехнулся:

— Уважаемые судьи, дорогие сокурсники. Мне очень повезло встретиться с вами в этот вечер. Надеюсь, мое появление вас не слишком обременит.

Зал отозвался нестройным хором: «Нет, что ты, вовсе нет!»

— Песня «Какая удача» — для вас... для тебя.

Он коснулся струн. Без аранжировки, без минусовки — только чистый голос и гитара.

«В толпе многомиллионной встретить тебя... имея ту же искру понимания — как это непросто. Ты знаешь моё упрямство, я знаю твой нрав. Два сердца сближаются, и чувства не терпят объяснений, боясь упустить момент, когда влюбляешься... Романтика уже наготове...»

Мелодия была легкой и теплой, ритм — живым и ясным. Голос Тинъюня звучал чисто и звонко, а сегодняшний образ «соседского парня» — открытого и солнечного — создавал мощный аудиовизуальный эффект.

«Какое счастье — в лучшую пору жизни встретить тебя без сожалений и горечи. Обнять тебя со всей силы, не давая счастью ускользнуть. Какое счастье, что любовь к тебе стала моим самым верным решением. Я верю — ты тот самый, единственный, и я готов идти с тобой до конца... Какое счастье встретить тебя, полюбить тебя, быть рядом с тобой...»

Он пел проникновенно, полностью растворяясь в моменте. Он был рожден для сцены.

Этот талантливый парень стал для студенток главным открытием вечера, затмив даже интерес к Вэнь Цяньхэ. Все понимали: они стали свидетелями чего-то выдающегося.

Цяньхэ не поднимал глаз, но слушал до боли внимательно. Если отбросить личную неприязнь и забыть об этой омерзительной физиономии, выступление было безупречным. Голос — мелодичный, манера — искренняя, исполнение — профессиональное.

Когда стих последний аккорд, Чжоу Тинъюнь почтительно встал, ожидая вердикта с видом примерного ученика.

Трое судей, не колеблясь, подняли карточки «Прошел». Все помнили, что он победитель прошлого года, и завалить такого фаворита в отборочных было бы безумием.

Последним карточку должен был поднять Вэнь Цяньхэ. Он промедлил несколько секунд, а затем решительно выставил «Х».

Зал ахнул. Ведущий застыл в замешательстве: Цяньхэ пропускал даже тех, кто безбожно фальшивил, а тут — такой поворот.

Сотни взглядов, острых как ножи, вонзились в судью. Сосед по столу неловко прошептал:

— Цяньхэ, ты чего? Он же спел идеально.

Ведущий быстро взял себя в руки, пытаясь сгладить ситуацию:

— Давайте аплодисментами поздравим Чжоу Тинъюня с выходом в следующий тур!

Зрители захлопали неохотно, с явным возмущением. Рейтинг симпатий к «принцу-красавцу» в судейском кресле рухнул на глазах. Все решили, что он просто завидует таланту и харизме Чжоу Тинъюня.

«Пошел вон оттуда!» — читалось в глазах толпы.

Чжоу Тинъюнь взял микрофон и с преувеличенной кротостью произнес:

— Прошу прощения, что отнимаю ваше время. Очевидно, мое мастерство оставляет желать лучшего. Позвольте спросить уважаемого судью: что именно в моем исполнении было не так? Скажите, и я обязательно исправлюсь.

Вэнь Цяньхэ поднял голову. Впервые за вечер он посмотрел Чжоу в глаза. Под прицелом сотен враждебных взглядов он спокойно произнес:

— Ты перепутал слово в строчке. Там поется «единственный в жизни», а не «единственный в веке».

Цяньхэ весь вечер следил за текстами по распечатке, сверяя каждое слово.

Зрители возмутились еще сильнее. Оговориться может каждый, к тому же «век» и «жизнь» в данном контексте — почти синонимы. Слишком придирчиво! По залу пронесся гул негодования, кто-то даже начал ругаться.

Даже ведущий не выдержал:

— Но велика ли разница между этими понятиями?

Вэнь Цяньхэ посмотрел на Чжоу Тинъюня в упор:

— Значение близкое, но отнюдь не одинаковое. «Жизнь» подразумевает человеческий путь, те годы, что нам отпущены. «Век» же — это эпоха, современность. Приведу пример: в трактате Лю Сяна «Девять сокрушений» есть строка: «Жаль, что нынешний век столь отличен — мысли

о далеком и близком не сходятся». Здесь слово «век» нельзя заменить на «жизнь». Или в «Домашних наставлениях рода Янь»: «В нынешнем веке вижу я тех, кто хранит в себе добродетель, и все они стыдятся деяний своих». И снова замена невозможна. Исполнитель хотел выразить идею единственной любви на всю жизнь, а не в рамках текущей эпохи. Нельзя самовольно менять слова, иначе искажается весь смысл.

Цяньхэ сделал паузу и добавил:

— Другому я бы это простил. Но ты — чемпион прошлого года. У тебя за плечами огромный опыт, и ты не имеешь права на подобные ошибки. К себе нужно относиться строже. Никаких поблажек.

Чжоу Тинъюнь слушал его с улыбкой. С того момента, как Цяньхэ заговорил, он не отводил от него горящего, пристального взгляда. Тинъюнь кивнул:

— Справедливо. Благодарю за урок.

Судьи и зрители притихли. Неважно, можно ли было заменять слова, — Цяньхэ раздавил всех своей эрудицией. Прочитать классику в такой момент — это был уровень настоящего интеллектуала.

Чжоу Тинъюнь эффектно покинул сцену.

Отборочные закончились в половине одиннадцатого вечера. Вэнь Цяньхэ потянулся, собрал вещи и направился к выходу вместе с последними зрителями. После ухода Чжоу Тинъюня зал заметно опустел.

— Спасибо за работу, Цяньхэ, — глава организационного отдела Студенческого союза протянул ему напиток и немного еды.

— Спасибо, — Цяньхэ убрал подношение в сумку. — На полуфинал мне приходить не нужно?

— Нет, там будут преподаватели. Но ты можешь прийти как почетный гость. Твое выступление сегодня... впечатлило. Но будь осторожен с Чжоу Тинъюнем. Он парень злопамятный, а ты его сегодня знатно приложил. Не стоит быть таким суровым.

Они вместе вышли на лестницу.

— Он слишком заносчив, — буркнул Цяньхэ. Этот «подонок» бесил его каждым своим жестом. Отомстить такому за обман и пренебрежение было делом чести, тем более что в тур он все равно прошел.

— Заносчив — это да. Но к музыке он относится фанатично. Видел бы ты, что творилось на финале в прошлом году. Девяносто восемь процентов зрителей пришли ради него. Спортивный комплекс был забит до отказа. Если бы другой оказался на его месте, он бы уже всю пиарился в соцсетях, а Чжоу Тинъюнь — нет. Помнится, чемпион десятого конкурса, тоже симпатичный парень, Ляо Юй, кажется...

— Тот, что висит на доске почета выдающихся выпускников?

— Именно. Так вот, тот сразу завел аккаунт, набрал тысячи подписчиков и подписал контракт с компанией. А Чжоу Тинъюнь после победы будто сквозь землю провалился. Его в университете почти не видят, многие вообще думали, что он не наш студент.

— Он что, не ходит на пары?

— Поговаривают, что редко. Но хвостов у него нет. Говорят, ему достаточно повторить конспекты перед сессией, чтобы сдать на нормальный балл. Черт возьми, этот парень действительно умен.

Вэнь Цяньхэ скептически хмыкнул. Странно слышать столько хорошего о таком подонке.

— Жаль только, что ум он тратит не на то.

— Почему же? Насколько я знаю, у него есть свои аккаунты на музыкальных платформах, он выпускает оригинальные песни, и отзывы отличные. Просто он не афиширует это.

«Тратит ум на музыку? Да он его в постели тратит!» — подумал Цяньхэ. Для него Чжоу Тинъюнь был мастером масок: перед матерью — пай-мальчик, перед людьми — скромный творец.

И только Вэнь Цяньхэ знал его истинное лицо.

Они вышли на улицу. Ночную прохладу нарушал лишь шелест листвы. Людей почти не осталось — только парочки, не желающие расставаться, да редкие «ботаники», спешащие из закрывшейся библиотеки.

Центр активности стоял на перекрестке: направо — общежития Южного парка, налево — баскетбольная площадка.

Цяньхэ решил прощупать почву:

— Раз он такой выдающийся, у него, наверное, и девушка есть?

— Ну, насчет этого...

— Если судью Вэнь так интересует моя личная жизнь, зачем спрашивать других? Может, послушаете меня?

Из тени баскетбольной площадки вышел Чжоу Тинъюнь. Он уже успел переодеться и теперь стоял во всем черном, почти сливаясь с темнотой.

— Привет, глава. Мне нужно поговорить с Вэнь Цяньхэ. Я его тут заждался.

Прежде чем Цяньхэ успел возразить, организатор кивнул и зашагал прочь:

— А, ну общайтесь. Я пойду.

Едва тот скрылся за поворотом, Чжоу Тинъюнь схватил Вэнь Цяньхэ за руку и потащил к парковке.

— Отпусти! Ты больной, Чжоу Тинъюнь?!

Тинъюнь резко остановился и прошипел:

— Заткнись. Орешь так, что уши закладывает. Еще раз пикнешь — поцелую прямо здесь.

Вэнь Цяньхэ мгновенно замолк. Он лихорадочно соображал: неужели тот так взбесился из-за оценки? Цяньхэ не умел ругаться, а Чжоу Тинъюнь явно нарывался. Словарного запаса для достойной отповеди не хватало, поэтому он решил просто не провоцировать его лишним раз.

— На тебя даже слов жалко, — буркнул он.

Чжоу Тинъюнь с силой впихнул его в машину. Вэнь Цяньхэ не мог сопротивляться — физически он был слабее и сейчас всерьез опасался, что Чжоу перейдет к насилию.

Организатор ведь предупреждал: этот тип злопамятен. Унижение перед полным залом не прощают. И месть настигла его, даже не дождавшись утра.

Чжоу втиснулся следом и заблокировал двери.

В тесном салоне мгновенно воцарилась его давящая, властная аура.

Вэнь Цяньхэ сглотнул. Страх брал свое, и он решил сменить тактику на «дипломатическую»:

— Прости. Я не должен был ставить тебе «крест». Признаю, это была мелкая месть. Завтра же напишу в «Моментях» публичное покаяние. Скажу, что ты спел идеально, а я просто придирился. Прости, молодой господин Чжоу. Прояви великодушие, отпусти меня. Ты сегодня устал, тебе нужно отдыхать... Я всё осознал.

Он выдал эту тираду на одном дыхании. Цяньхэ умел прикидываться покладистым, когда ситуация того требовала.

Чжоу Тинъюнь посмотрел на него, как на перепуганного кролика. Это зрелище показалось ему забавным. Он закинул ногу на ноги Цяньхэ и навис над ним.

Вэнь Цяньхэ вжался в сиденье. Всё, чего он хотел — это вычеркнуть этого человека из памяти, но тот упорно лез обратно.

— Просто оставь меня в покое. Я больше не буду тебя трогать.

— Поздно. Ты уже меня затронул.

— Я же извинился!

— Извинения не принимаются. Если только... — усмехнулся он.

— Я не согласен! — Цяньхэ нутром чуял подвох.

Чжоу Тинъюнь мертвой хваткой вцепился в его запястье:

— Посмей только отказаться — и ты из этой машины не выйдешь!

Он сжал руку так сильно, что Цяньхэ едва не вскрикнул. Казалось, кости вот-вот хрустнут.

Стиснув зубы от боли, Цяньхэ сдался:

— Хорошо... Если это не нарушает нормы морали, я согласен.

Чжоу ослабил хватку и принялся лицемерно потирать покрасневшую кожу на запястье Цяньхэ.

— Добавь меня обратно в вичате. И убери телефон из черного списка.

—...

Это не нарушало мораль, но было настоящим издевательством. Цяньхэ влез в долги, во всем себе отказывал, лишь бы поскорее расплатиться и забыть этого человека. И что теперь? Все усилия прахом? Почему он должен плясать под дудку этого мерзавца?

Мысль о том, что придется снова общаться, вызвала в душе волну праведного гнева и бессилия.

— Я всё тебе выплатил! Зачем нам связываться? Нам не о чем говорить! Чжоу Тинъюнь, ты преследуешь меня только потому, что хочешь затащить в постель?!

Вэнь Цяньхэ внезапно обрел силы, оттолкнул его и выпрямился.

Застигнутый врасплох Чжоу Тинъюнь сильно ударился головой о крышу машины. Он нахмурился и прищурился. Он снова схватил Цяньхэ за руку и притянул к себе:

— Тебе настолько противно иметь меня в друзьях?

— Да! — Вэнь Цяньхэ не отвел взгляда.

<http://bllate.org/book/17446/1657457>